

© ЭО, 2005 г., № 3

Н.Н. Крадин. Рец. на: *C. Rivière. Anthropologie politique.* P.: Armand Colin, 2000. 192 p.; *Ж. Баландьё. Политическая антропология* / Пер. с фр. М.: Научный мир, 2001. 204 с.

В отличие от англо-американской политической антропологии, французская школа известна отечественному читателю в меньшей степени. О французской антропологии у многих сложилось мнение, что она развивается исключительно в рамках структуралистского направления К. Леви-Стросса. Французская политическая антропология ассоциируется у нас главным образом с именем Ж. Баландьё, о работах которого много и подробно писал автор первой в нашей стране книги о данной дисциплине Л.Е. Куббель (*Куббель 1988*).

Жорж Баландьё – ему сейчас далеко за восемьдесят – действительно выдающийся исследователь, автор многих книг и статей. В 1967 г. он опубликовал первую специальную книгу по политической антропологии, в которой давалось систематическое изложение данной дисциплины (*Balandier 1967*). Она была переведена на ряд языков, по ней училось несколько поколений антропологов разных стран. В 2001 г. дошла очередь и до русскоязычных читателей (*Баландьё 2001*). Поскольку примерно в это же время во Франции вышел самый свежий учебник по политической антропологии (*Rivière 2000*), имеет смысл сравнить эти две книги. Возможно, это позволит проследить изменения, которые произошли во французской школе за данное время (1967–2000 гг.), и новые тенденции, проявившиеся в исследованиях последних лет.

Перу Баландьё принадлежит много книг, но, несомненно, самая популярная и цитируемая – “Политическая антропология”. Данная работа – первый специальный труд, посвященный систематическому изложению политантропологической проблематики. В первой главе автор рассматривает историю становления дисциплины, различные школы и методы антропологической науки. Он определяет политическую антропологию как сочетание политической экзотики и сравнительно-исторического анализа. Это действительно так. Под “политической экзотикой”, видимо, понимается изучение архаических обществ и политогенеза. Сравнительно-исторический анализ – это главный метод антропологов, который позволяет видеть предмет исследования под иным углом зрения, чем это делается в других социальных науках.

Об этом хорошо сказал К. Клакхон: “Единственная черта, выделяющая каждую отрасль антропологии и не являющаяся характерной ни для какой другой из наук о человеке – это использование сравнительных данных. Историк занимается, как правило, историей Англии, или Японии, или девятнадцатого века, или эпохи Возрождения. Если же он занимается систематическим сравнением моментов истории различных стран, периодов или направлений, он становится философом истории или антропологом!” (*Клакхон 1998: 332*). С этой точки зрения политическая антропология и сравнительная политология очень близки между собой как по предмету исследования, так и по методологии. Не случайно Ж. Баландьё неоднократно сочувственно цитирует классиков сравнительной политологии Д. Истона и Г. Алмонда, отмечая западоцентричность теоретических построений большинства политологов.

Во второй главе обсуждается дефиниция власти, которую автор понимает как средство сопротивления общественной энтропии. В этом же разделе излагается типология политических систем. Баландьё цитирует классификации догосударственных обществ различных авторов, но не присоединяется ни к одной из них. Третья глава посвящена рассмотрению взаимосвязи

Николай Николаевич Крадин – профессор, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН, заведующий кафедрой социальной антропологии Дальневосточного государственного технического университета.

политики и родства, в четвертой анализируются формы социальной стратификации. Баландые выделяет “элементарные” основания общественного неравенства, к которым относит родство, возраст, пол, национальность, профессию (касты) и более сложные, основанные на политической иерархии (рабство, феодализм и т.д.). Предмет следующей главы – изучение взаимосвязи политики и религии – важного компонента структуры традиционных обществ. Наконец, в заключительных двух главах разбирается природа традиционной государственности, а также трансформация постколониальных обществ.

Последний вопрос, несомненно, был очень актуален для того времени. Крушение системы колониализма привело к созданию новых политических независимых государств. Баландые подчеркивает главные результаты изысканий антропологов в данной области. Во-первых, “традиционный” и “бюрократический” типы господства (по М. Веберу) в принципе оказались несовместимыми. Во-вторых, давление “обезличенного” рационального бюрократизма колонизаторов привело к деформации и даже кое-где к разрушению “традиционной” модели власти, ее десакрализации, к формированию “светской” по своей сути системы власти. В-третьих, складывается своеобразная “двойная” политическая культура, в которой параллельно с официальными органами управления присутствуют традиционные формы власти. Их сосуществование может принимать как мирный, так и антагонистический характер (в форме национально-освободительного и/или религиозного движения). В-четвертых, для колониального и постколониального обществ характерно несовпадение его административно-территориального деления и границ с территориями проживания традиционных племенных структур, что часто приводит к острым этнонациональным и межгосударственным спорам. Все эти выводы применимы не только к постколониальным, но и ко многим современным посттрадиционным обществам.

Говоря о русском издании “Политической антропологии”, следует высказать некоторые серьезные замечания. Во-первых, это отсутствие биографического очерка и квалифицированного научного предисловия и комментариев. Поскольку книга была написана более трех десятилетий назад, для читателей было бы важно показать, какие изменения произошли в политической антропологии за этот срок, какие новые данные существуют по тем или иным обсуждаемым в монографии вопросам.

Второе замечание касается перевода. Возможно, дословный перевод был выполнен достаточно тщательно, и у меня нет оснований сомневаться в его корректности. Но поскольку переводчик, по всей видимости, был далек от рассматриваемой в книге проблематики, в русском тексте было сделано немало неумышленных искажений. К примеру, фразы “*order du coup de bec*” и “*mâles dominants*” можно перевести соответственно как “порядок удара клювом” и “господствующие самцы” (с. 82), но в этологии – науке о поведении животных – существуют такие понятия, как “порядок клевания” и “доминирование самцов”. Веберовские термины “рациональное”, или “легитимное” господство превратились при переводе в “законное” господство, а “патримониальная” власть стала “наследственной” (с. 51–52). К сожалению подобные примеры можно приводить едва ли не до бесконечности.

В-третьих, большая часть фамилий англоязычных исследователей искажена подчас до неузнаваемости. Роберт Лоуи стал Р. Лови (с. 15), Айдан Саутхолл – А. Сухалом (с. 24), Джордж Мёрдок – в одном случае Ж.П. Мердоком (с. 86), а в другом – Г.П. Мердоком (с. 144), Маршалл Салинз – М.Д. Сахлинсом (с. 87), Люси Мэйр превратилась в мужчину Л. Мэра (с. 97). И это чуть ли не на каждой странице. Даже широко известный не только антропологам, но и гораздо большему числу гуманитариев средневековый арабский историк и философ Ибн-Хальдун (Ибн Халдун) стал Ибн Калдоуном (с. 134). Впрочем, досталось и французским авторам. К примеру, выдающийся медиевист Марк Блок стал Марком Блохом (с. 98). Есть также искажения названий народов и географических наименований. Если бы с книгой работал квалифицированный научный редактор, то он бы легко исправил эти неточности. А так получилось, как в знаменитой итальянской поговорке: “*Traduttore, traduttore*”.

Клод Ривьер – специалист в области политической антропологии Африки, автор ряда книг. Его “Политическая антропология” написана через три десятилетия после выхода первого из-

дания работы Ж. Баландье. Она состоит из четырех частей, каждая часть – из двух глав. В первой главе Ривьер разбирает ключевые понятия рассматриваемой дисциплины – термины политика, власть, господство, легитимность, суверенитет и др. Вторая глава посвящена рассмотрению историографии. Автор выделяет следующие этапы развития политантропологии: время “предшественников”, британский функционализм, французский структурализм, американская школа, современное состояние науки. В третьей главе изложена типология политических систем. Ривьер выделяет следующие формы общества: локальная группа, общество с рассеянной властью, вождество, государство. Четвертая глава посвящена общественной стратификации. Автор дополняет выделенные Баландье естественные причины (родство, возраст, пол) экологическим и демографическим факторами, престижной экономикой. В пятой главе рассматривается функционирование политических институтов. Для этих целей К. Ривьер использует функциональный, процессуальный и системный подходы. Шестая глава посвящена природе социальных конфликтов – от кровной мести до современных войн, а также механизмов их урегулирования. В седьмой главе разбирается соотношение политики и религии, сакральность власти, роль религии в современном политическом процессе. В восьмой главе – “Политическая литургия” – разбираются политические обряды и ритуалы в традиционном и современном западноевропейском обществе. Автор отмечает, что роль политических ритуалов в современном обществе аналогична – они предназначены для символической унификации общества, закрепления социальных связей и мобилизации.

На примере Ж. Ширака и Ф. Миттерана Ривьер рассматривает политические литургии наших дней. Он показывает, как различные массовые мероприятия являются по сути театральными представлениями для демонстрации власти своей таинственной сакральности, способствуют повышению статуса главных персонажей этих спектаклей, а также развивают легитимность господствующей власти. Легитимность закрепляется на территории посредством периодической реактивации церемониала и значимых для нации символов (гимна, флага и др.). Участие людей в массовых церемониях создает иллюзию эмоциональной сопричастности принимаемым политическим решениям, способствует консолидации и коллективному одобрению существующего режима или тех, кто его персонифицирует.

Что общего и отличного между двумя этими книгами? На первый взгляд, обе работы очень похожи. Даже содержание включает одни и те же разделы, которые входят в предмет изучения политических антропологов – типология догосударственных систем, ранние формы стратификации, происхождение государства, традиционная власть, политика и религия, политика и родство и др. Тем не менее есть и некоторые существенные отличия. Во-первых, сочинение Ривьера написано через 30 лет и включает некоторые важные концепции, которые Баландье в своей работе почему-то не использовал. В частности, в главе о типологии политических систем он проигнорировал ставшую к тому времени почти общепринятой схему Э. Сервиса (локальная группа, община, вождество, раннее государство, государство-нация), хотя “Первобытная социальная организация” последнего (Service 1962) была опубликована на пять лет раньше “Политической антропологии”.

Во-вторых, в книге Ж. Баландье практически ни слова не говорится о неозоволюционизме, хотя к моменту написания книги уже стали известными сочинения Л. Уайта и Дж. Стюарда, вышел в свет программный сборник неозоволюционистов “Эволюция и культура” (White 1949; Steward 1955; Sahlins et al. 1960). Среди методов в первой главе эволюционный метод им даже не упоминается. Это можно объяснить только методологической приверженностью Баландье к структурному функционализму. Для него конфликт и порядок, в том смысле, как его интерпретировали Э. Лич и М. Глакман, более значимы для описания политического процесса, чем раскручиваемая спираль стадий культурной эволюции.

В-третьих, со времен Баландье стало общепринятым ограничивать предмет исследования политантропологов моделью “традиционной” власти. В работе К. Ривьера немалое место уделено современной западной цивилизации. В этом он следует другому французскому исследователю – М. Абелесу – глубокому знатоку символики политических ритуалов современности. Ривьер отмечает, что в изучении политической деятельности антропологи вытеснены в об-

ласть изучения неформального, а также проблем отношения этничности и власти. Однако это далеко не периферия политики. Видимая всем нам с экранов политика – это только вершина айсберга. Антропологи обладают знаниями, позволяющими сконцентрироваться в области политического “бессознательного”. Он выделяет несколько наиболее перспективных направлений для развития политической антропологии постмодерна: изучение так называемой повседневности, институтов власти, механизмов неформального влияния в политике, отношения масс и структур власти, современные политические ритуалы и литургии.

И последнее, что следовало бы отметить, сравнивая обе книги. Из советских ученых Ж. Баландье упоминает только африканиста А.И. Потехина. У К. Ривьера в списке литературы вообще нет ни одной работы отечественных авторов. С одной стороны, это говорит о степени интегрированности нашей антропологии в мировую. С другой стороны, – об интересах и приоритетах французских коллег. Для них первостепенным было изучение африканского материала, поскольку на Черном континенте Франция имела большие колонии и здесь до сих пор она сохраняет определенное политическое влияние. Наконец, предмет антропологии – это в недалеком прошлом бесписьменные общества. Кто бы мог подумать, что политическая антропология может быть актуальна для постсоветского пространства. И если Баландье даже не мог предположить, что его книга будет ценна для понимания некоторых процессов в социалистическом обществе, то об отсутствии соответствующих разделов в работе Ривьера можно только сожалеть.

Литература

- Баландье 2001 – Баландье Ж. Политическая антропология. М., 2001.
Клакхон 1998 – Клакхон К. Зеркало для человека. Введение в антропологию. СПб., 1998.
Куббель 1988 – Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988.
Balandier 1967 – Balandier G. Anthropologie politique. P., 1967.
Riviere 2000 – Riviere C. Anthropologie politique. P., 2000.
Sahlins et al. 1960 – *Evolution and Culture* / Ed. M. Sahlins and E. Service. An Arbor, 1960.
Service 1962 – Service E. Primitive Social Organization: an evolutionary perspective. N. Y., 1962.
Steward 1955 – Steward J. Theory of Culture Change. Urbana, 1955.
White 1949 – White L. Science of the Culture. N. Y., 1949.

© ЭО, 2005 г., № 3

С. Н. Абашин. О новом журнале “Антропологический форум”.

Осенью 2004 г. в Санкт-Петербурге вышел первый номер нового этнографического журнала “Антропологический форум”. Это совместный проект Европейского университета в Санкт-Петербурге и Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Главный редактор издания – А.К. Байбурин. К созданию журнала, в том числе к его финансированию, приложил усилия также Оксфордский университет (Великобритания). Появление еще одного этнографического журнала в России, безусловно, представляет исключительно важное событие не только в жизни перечисленных научных учреждений, но и всей российской этнографии. И, безусловно, это событие нуждается в осмыслении.

Должен признаться, что, размышляя над тем, как должна выглядеть заметка о появлении питерского журнала, я решил – жанр классической рецензии в данном случае не вполне годится. Мне, конечно, хотелось бы поговорить о содержании этого номера, поспорить о постсоветском восприятии советской школы с К. Келли, порассуждать вместе с Е. Мельниковой на тему современных эсхатологических ожиданий и с М. Ахметовой – о старых и новых фобиях в России. Но моя рецензия должна быть посвящена не содержанию статей журнала, а журналу как явлению, что скорее требует самых общих размышлений об этнографии и ее дис-

Сергей Николаевич Абашин – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела Средней Азии и Казахстана Института этнологии и антропологии РАН.